

МЕСТО МИФОЛОГИИ В РЯДУ ФОРМ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ

В статье исследуется место мифологии в ряду форм общественного сознания и способы ее проявления в языке. Объектом исследования является теория изучения различных аспектов мифологии и механизмов мифологического мышления. Дается определение мифа, обозначается место мифологии в ряду других форм общественного сознания, обосновывается важная роль мифа в формировании этих форм, и продемонстрирован механизм действия мифологического мышления в целом и его проявления в нашей современной жизни и языке.

Ключевые слова: миф, мифологическое мышление, формы сознания.

Едва ли в современной лингвистике найдутся ученые, которые не признают наличия связи между языком и мышлением. Этой проблемой занимались В. фон Гумбольдт, который считал, что язык формирует мышление, и которому принадлежит высказывание о том, что язык народа – это его дух, а дух народа – это его язык. Сходной точки зрения придерживался и А. Шлейхер, утверждавший, что язык и мышление так же неразделимы, как форма и содержание. Наглядную аналогию провел в этой связи Ф. де Соссюр: «Язык – лист бумаги, мысль – его лицевая сторона, а звук – оборотная. Нельзя разрезать лицевую сторону, не разрезав оборотную. Так и в языке нельзя отделить ни мысль от звука, ни звук от мысли. Этого можно достичь лишь путем абстракции» [4, с. 23].

В русле нашего исследования интерес для нас представляет влияние сознания на язык и речь. Вне всяких сомнений, по мере развития форм сознания развивался и язык, однако некоторые древнейшие формы сознания, а конкретно мифологическое сознание, активно проявляют себя и в нашей современной жизни и, соответственно, в языке. Рассмотрим подробнее, что есть мифологическое сознание и что представляет собой миф.

Говоря о мифе, следует отметить, что он может существовать в виде сюжета, ритуала и специфического сознания.

Первое, что необходимо принять во внимание, – это то, что миф на определенном этапе развития мышления был необходим. Как сказал А.Ф. Лосев, «миф – необходимейшая, прямо нужно сказать, трансцендентально-необходимая категория мысли и жизни; ... миф содержит в себе строжайшую и определеннейшую структуру и есть логически, т.е. диалектически необходимая категория сознания и бытия вообще» [1, с. 9]. Это не удивительно – ведь первобытный человек, впервые столкнувшись с неизвестными ему до этого силами природы, к примеру, дождем, громом, молнией, был крайне напуган. Его пугали не столько сами раскаты грома, сколько их неизвестное происхождение и чувство

беспомощности перед ними. В этих случаях на помощь приходил миф. И в дальнейшем человек – например, древний грек – полагал, что когда погода разбушевалась, это бог грома и молнии Зевс недоволен и нужно его умиловать определенной жертвой или ритуалом, после которого буря стихала, так как она в любом случае не может длиться вечно, но это давало возможность древнему человеку считать, что он может управлять природными явлениями.

Таким образом, миф выполнял защитную функцию для психики и одновременно утолял любопытство древнего человека. Однако стоит отметить, что создавать подобные мифы люди древности могли, основываясь на скудных представлениях о мире, поэтому они перекладывали на природу свои собственные качества, т.е. «проецировали себя вовне». Другими словами, они анимизировали окружающие их предметы.

Но при этом миф – это не просто вымысел, сказка, а переживаемая реальность. В этом плане миф – это система, где все взаимосвязано, взаимобусловлено, все может быть объяснено и ничто не может быть подвергнуто сомнению. Мифологическое сознание берется объяснить все: так называемые бинарные оппозиции порядка и хаоса, жизни и смерти, мужчины и женщины, единства и многообразия, различные жизненные метаморфозы. Здесь мы можем заметить точки пересечения мифа с наукой и философией и увидеть некоторое сходство и коренные различия.

В отличие от мифологии, философия пытается ответить на те же вопросы, но руководствуясь логическим анализом, выводами и обобщениями. В этом заключается коренное отличие этих двух форм общественного сознания. Философия в целом зародилась тогда, когда людям перестали казаться достаточными уже имеющиеся объяснения определенных явлений, и, возникла потребность в их рациональном обосновании. Таким образом, логический анализ постепенно начинал вытеснять фантастический вымысел, давая дорогу новому типу

* © Лисова М.И., 2017

мышления. Если в мифологии противоречия отсутствуют, то в философии именно они и занимают главное место и являются основным толчком развития. Однако философия и мифология все же являются частью одного целого, так как предметом рассмотрения обеих является бытие как таковое, а философия сформировалась на базе опыта, приобретенного мифологией.

Миф — это система знаков и символов, которая базируется на развитии абстрактных форм, основанных на чувственном и метафорическом восприятии. Миф образует понятия, с которыми имеют дело как мифология, так и философия, поскольку мифологическое восприятие мира не может сразу исчезнуть из сознания людей. Философия и мифология работают по одному образцу. В основе мышления и той и другой лежит то или иное неизвестное явление, которое мифология просто принимает, в то время как философия пытается разобраться в его сущности. Можно даже сказать, что философия является рационализированной формой мифологии.

Аналогичным образом дело обстоит и с научным мышлением. В отличие от мифа, в науке все подвергается сомнению, верификации, миф же не опровергаем. Для мифологического сознания не существует никакого научного опыта, его ни в чем нельзя убедить. Миф нужно принимать как данное, в то время как в науке одна гипотеза заменяется другой, более современной.

Миф же понимается его адептами как вечная и незыблемая истина. «Миф — не гипотетическая, но фактическая реальность, не функция, но результат, вещь, не возможность, но действительность, и притом жизненно и конкретно ощущаемая, творимая и существующая» [1, с. 47]. Для мифологического мышления не существует причинно-следственных связей, и постоянство каких-либо природных явлений не заставит мифологического субъекта сделать определенный вывод. «Мифическое сознание скорее, пожалуй, задумается над какими-нибудь редкими, небывалыми, эффектными и единичными явлениями и скорее дает не их причинное объяснение, но какое-нибудь выразительное и картинное изображение» [1, с. 38].

Итак, принципиальные различия науки и мифа вполне ясны, однако, при этом наука и мифология всегда идут рядом. «Если брать реальную науку, т.е. науку, реально творимую живыми людьми в определенную историческую эпоху, то такая наука решительно всегда не только сопровождается мифологией, но и реально питается ею, почерпая из нее свои исходные интуиции» [1, с. 39]. Чтобы лучше продемонстрировать эту мысль, следует обратить внимание на сам переход человеческого сознания от мифологического мышления к логическому. Этот период К. Ясперс связывал с зарождением рефлексии и характеризовал его следующим образом: «Сознание создало сознание, мышление делало своим объектом мышление» [7, с. 95]. В этот момент мир перестал быть исчерпывающе понятен, и наука начала свое развитие.

Пиком перехода от иррационального мышления к рациональному стала эпоха Просвещения. В это время ученые и мыслители настолько отчаянно пытались искоренить миф, что сделали из рационального мышления культ, который привел к созданию нового мифа. Ф. Бэкон провозгласил математику царицей наук, тем самым подчинив все познанное на тот момент данной науке, сделав ее абсолютной инстанцией. Но, по мнению Т. Адорно и М. Хоркхаймера, в основе этого всего лежит мифологический страх, источником которого является все неизвестное и непонятное, а значит, требует подчинения. Таким путем на Западе возникла теория господства, которая, по мнению вышеупомянутых философов, дала толчок к созданию новой мифологии, а та привела сначала к патриархальному строю, затем к возникновению шовинизма, а в начале XX века сделала возможным появление такого феномена, как фашизм [1].

Говоря о связи мифа с другими формами общественного сознания, нельзя не сказать о сложных взаимоотношениях мифа и религии. С одной стороны, по словам Г. Гегеля, в религии разрешены все загадки мира, преодолены все противоречия глубокомысленного ума, успокоены все муки чувства, что, как мы знаем из вышеперечисленного, можно сказать и о мифе.

И религия, и миф имеют дело с трансцендентным миром. В рамках этих представлений человек подчинен высшим силам, с которыми он вступает в контакт с помощью молитвы, жертвоприношения, ритуала. Для мифологического сознания характерно поклонение множеству богов. В религии существует единый Бог, а мифология охватывает также веру в духов, демонов, в души людей и животных. Различаются и формы зависимости от объектов поклонения в этих двух формах общественного сознания: в религии это смирение, основанное на осознании собственного несовершенства, а в мифологии это страх, вынуждающий к покорности.

Однако, несмотря на эти различия, можно утверждать, что мифология является неотъемлемой частью религии. Н.Н. Харузин [7] видел в мифологии главный источник для познания религиозных верований народа, поскольку мифологический материал используется в культе, а миф — необходимая составная часть культа. Об этом же писал А.Ф. Лосев: «Миф не есть религия, но религия есть мифическое творчество и жизнь. Мифология шире религии. Религия есть специфическая мифология, а именно мифология жизни, точнее, жизнь как миф» [1, с. 188].

В целях нашего исследования целесообразно сосредоточить внимание не столько на самом религиозном мировоззрении, сколько на ранних формах религии, которые относятся к стадии мифологического мышления, а именно на магии, тотемизме и фетишизме. «Магическое мышление основывается на двух принципах. Первый из них гласит: подобное производит подобное или следствие похоже на причину» [3, с. 18]. Кроме того, Дж. Фрезер упоминал два типа магии: имитативную, основанную на законе подобия (например, магия вуду), и контакти-

ознанию, основанную на законе соприкосновения или заражения. Так, индейцы изготавливали деревянную куклу – изображение своего врага – и, чтобы вызвать смерть врага, сжигали и хоронили куклу. В качестве примера контактной магии можно привести также веру многих древних людей в связь между раненым человеком и тем предметом, которым была нанесена рана.

Из сказанного можно сделать вывод, что оба типа мифологических представлений основаны на ложной ассоциации и неспособности отделить идею вещи от самой вещи; это одна из основных характеристик мифологического мышления в целом.

Обратимся далее к вопросу о фетишизме, который является разновидностью магии. В его основе лежит поклонение различным неодушевленным предметам естественного или искусственного происхождения. Считалось, что эти предметы наделены магической силой и оберегают владельцев от порчи и недугов.

В этой связи следует упомянуть также тотемизм – веру в кровнородственные связи между растением / животным и человеком.

Что касается тотемов и табу как примеров воплощения мифологического сознания, они стали объектом исследований З. Фрейда. Рассматривая их как результат амбивалентного отношения человека к определенному предмету, он проследил сходство отношения первобытного человека к табу или тотему с невротическими состояниями у современных людей. Табу – это объект, по отношению к которому испытываются одновременно страх и почтение. «С одной стороны, оно означает “святой, освященный”, с другой – “жуткий, опасный, запретный, нечистый” ... Табу выражается ... в запрещениях и ограничениях» [4, с. 19].

Табу отличаются от современных запретов – например, от норм морали – тем, что в них отсутствует какая-либо разумная система, оправдывающая эти запреты. Они рационально не мотивированы, что демонстрирует механизм работы мифологического мышления. «Непонятные для нас, они кажутся чем-то само собой разумеющимся тем, кто находится в их власти» [4, с. 20]. Соблюдение табу напоминает, к примеру, синдром навязчивых движений, которые тоже ничем не мотивированы.

Таким образом, исследование мифологического мышления может способствовать решению данной проблемы.

Такие магические запреты оставили свой след в этноязыках в виде табуированной лексики и эвфемизмов. Табу в языке – это запрет на произнесение определенного слова, обозначающего какой-либо сакральный предмет. В современных языках примерами табуированной лексики могут служить вульгаризмы, которые в древности имели сакральный смысл.

На смену табуированным словам приходили эвфемизмы. Считалось, что если произнести настоящее имя зверя, он придет; поэтому вместо него использовались эвфемистические наименования. Как правило, эвфемизм в своей внутренней форме включает в себе описание сакрального предмета,

указание на его признак. Таким путем произошли, например, названия медведя. Русское слово *медведь* имеет внутреннюю форму «тот, кто ест мед», а слова германских языков (нем. *Bär*, англ. *bear*, датск. *bjørn* и др.) имеют внутреннюю форму «бурый» (< индоевр. **bhreu-*). Ныне это слово иногда табуируется вторично. Так, многие охотники, находясь в лесу, избегают прямого именованья и употребляют такие эвфемизмы, как *Хозяин*, *Потапыч* и т.п., что в очередной раз доказывает живучесть и долговечность механизмов мифологического мышления.

Миф как наиболее компактное выражение культурно-исторического наследия исследовался и К.Г. Юнгом, основоположником теории архетипов, которые представляют особый интерес для нашей работы. Архетипы – это универсальные психические структуры, присущие всему человечеству в целом и находящиеся на глубоком уровне бессознательного, выходящего за пределы индивидуальной личности. Сам Юнг определял архетипы как «универсальный параллелизм мифологических мотивов» [5, с. 4], поскольку сама концепция этих структур предполагает исследование мифов с целью отыскания в этническом многообразии инвариантных сюжетов и мотивов, которые образуют архетипическое ядро, выраженное метафорическими мифологемами.

Т. Манн отметил: «В типичном всегда есть очень много мифического, мифического в том смысле, что типичное, как и всякий миф, – это изначальный образец, изначальная форма жизни, вневременная схема, издревле заданная формула, в которую укладывается осознающая себя жизнь, смутно стремящаяся вновь обрести некогда предначертанные ей приметы» [2, с. 275]. «Архетип есть символическая формула, которая начинает функционировать всюду там, где или еще не существует сознательных понятий, или же где таковые по внутренним или внешним основаниям вообще невозможны» [6, с. 459].

Архетипы едины для всего человечества, что подтверждается мифами и фольклором народов всех стран и континентов. Люди, которых разделяют целые океаны, имеют одних и тех же мифических персонажей, которые восходят к общему архетипу. Например, греческая Афродита, римская Венера, славянская Лада, скандинавская Фригга, египетская Хатор являлись богинями плодородия и покровительницами браков, и все они восходят к единому праробу – архетипу матери.

Другим ярким примером является архетип плута, или трикстера; в античной мифологии это греческий бог Гермес и римский Меркурий, а в скандинавской – бог Локи. В мировом фольклоре это образы Ивана-дурака, Ходжи Насреддина, Тиля Уленшпигеля, Кота в сапогах, Рейнеке-лиса и др., а в литературе – образы Родерика Рэндома, Тома Джонса Найденыша, Чичикова, Остапа Бендера и др. Данный архетип представляет собой образ смышленного человека или существа, противостоящего опасностям с помощью уловок и хитростей.

К.Г. Юнг выделял такие архетипы, как «Анима» – бессознательная женская составляющая пси-

хика мужчины, «Анимус» – бессознательная мужская составляющая психики женщины, «Персона» – социальная роль человека, «Тень» – бессознательная противоположность того, что утверждается человеком в сознании, «Мудрец» – персонификация жизненной мудрости и другие. Следует отметить, что знание об архетипе не является систематизированным и структурированным. Сам К.Г. Юнг считал, что архетип априори непознаваем, а познаваемы лишь его конкретные активации. Однако можно с уверенностью утверждать, что этот феномен наличествует в жизни каждого человека и может проявляться в мифах, символах, сюжетах, произведениях искусства. Все эти явления производят впечатление благодаря содержащимся в них архетипам.

Итак, в этом разделе мы привели определение мифа, указали место мифологии в ряду форм общественного сознания и показали важную роль мифа в их возникновении. Кроме того, на ряде примеров нами был продемонстрирован механизм действия мифологического мышления в целом и его проявления в современной жизни и языке, несмотря на то, что это уже пройденная стадия развития человеческого мышления. Как сказал К.Г. Юнг [2007], мифология, подобно отсеченной голове Орфея, продолжает петь даже после смерти, и пение ее доносится издалека.

Библиографический список

1. Адорно Т., Хоркхаймер М. Диалектика Просвещения. Философские фрагменты. М., СПб.: Медиум, Ювента, 1997. 310 с.
2. Лосев А.Ф. Диалектика мифа. М.: Мысль, 2001. 561 с.
3. Манн Т. Иосиф-кормилец. М.: Правда, 1991. 718 с.
4. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. Екатеринбург: изд-во Уральского университета, 1999. 432 с.

5. Фрезер Дж. Золотая ветвь. М.: Политиздат, 1980. 831 с.
6. Фрейд З. Тотем и табу. М.: АСТ, 2008. 640 с.
7. Харузин Н.Н. Этнография. СПб.: изд-во Академии наук, 1901. 343 с.
8. Юнг К.Г. Структура психики и архетипы. М.: Акад. Проект, 2007. 303 с.
9. Юнг К.Г. Психологические типы. М.: АСТ, 1996. 714 с.
10. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Политиздат, 1991. 527 с.

References

1. Adorno T.W., Horkheimer M. *Dialektika Prosveshcheniia. Filosofskie fragmenty* [Dialectics of Enlightenment. Philosophical fragments. В оригинале: Dialektik der Aufklaerung. Philosophische Fragmente]. М., СПб.: Medium, Iuventa, 1997, 310 p. [in Russian].
2. Losev A.F. *Dialektika mifa* [Dialectics of myth]. М.: Mysl', 2001, 561 p. [in Russian].
3. Mann Th. *Iosif-kormilets* [Joseph the Provider. В оригинале: Joseph, der Emahrer]. М.: Pravda, 1991, 718 p. [in Russian].
4. Saussure F. de. *Kurs obshchei lingvistiki* [Course in General Linguistics. В оригинале: «Cours de linguistique générale»]. Ekaterinburg: izd-vo Ural'skogo universiteta, 1999, 432 p. [in Russian].
5. Frazer J.G. *Zolotaia vetv'* [The Golden Bough]. М.: Politizdat, 1980, 831 p. [in Russian].
6. Freud S. *Totem i tabu* [Totem and Taboo]. М.: AST, 2008, 640 p. [in Russian].
7. Kharuzin N.N. *Etnografiia* [Ethnography]. SPb.: izd-vo Akademii nauk, 1901, 343 p. [in Russian].
8. Jung C.G. *Struktura psikhiki i arkhetipy* [Structure of psyche and archetypes]. М.: Akad. Proekt, 2007, 303 p. [in Russian].
9. Jung C.G. *Psikhologicheskie tipy* [Psychological types]. М.: AST, 1996, 714 p. [in Russian].
10. Jaspers K. *Smysl i naznachenie istorii* [The Origin and Goal of History]. М.: Politizdat, 1991, 527 p. [in Russian].

M.I. Lisova*
*

PLACE OF MYTHOLOGY IN SERIES OF FORMS OF PUBLIC CONSCIENCE

The aim of the given article is to show which place mythology occupies in series of forms of public consciousness and how this can be manifested in the language. The object of research is the theory of study of different aspects of mythology and mechanisms of mythological thinking. The aim of the work is to give the definition of myth, to denote the place of mythology in the series of other forms of public consciousness and to show the important role of myth in the formation of this forms and to demonstrate the mechanism of action of mythological thinking at large and its display in our modern life and language.

Key words: myth, mythological thinking, forms of consciousness.

Статья получена 20/V/2017.

The article received 20/V/2017.